

*В.В. Овсянников***Трансформация образа скифского оленя
в лесостепном Предуралье***V.V. Ovsyannikov***The Transformation of the Scythian Deer Image
in the Forest-Steppe Ante-Urals**

На основе погребальных материалов кара-абызской культуры рассматривается процесс изменения и стилизации изображения оленей в металлопластике IV–III вв. до н.э. в лесостепном Предуралье. Показан механизм проникновения изображения оленей из савромато-сарматской среды в лесостепные сообщества. Прослежены общие тенденции в восприятии образов скифо-сибирского звериного стиля лесостепным населением Предуралья и Приобья.

Ключевые слова: лесостепное Предуралье, скифо-сибирский звериный стиль, скифский олень, кара-абызская культура, металлические детали пояса.

Мощное влияние скифо-сибирского звериного стиля на развитие искусства областей, расположенных к северу от степной зоны, общеизвестно. Многие образы пермского и западносибирского звериного стиля берут свое начало в скифо-сибирском искусстве. В роли посредника между миром лесных и степных культур, как правило, выступало население лесостепной зоны. В его среде происходило накопление, отбор и своеобразное преломление образов и сюжетов, характерных для скифо-сибирского искусства, которые затем, как по эстафете, передавались дальше на север. В роли такого медиатора в Предуралье выступало население, оставившее памятники кара-абызской культуры. Наиболее ярко влияние скифского искусства проявилось в бронзовой зооморфной пластике.

В Предуралье наиболее интенсивные контакты кочевого и оседлого населения прослеживаются с рубежа V–IV вв. до н.э. [1, с. 74–76]. В этот период в памятниках оседлого населения появляются образцы скифо-сибирского звериного стиля и их дериваты. Встречены изображения кошачьих, оленей, медведей, грифонов, реже баранов, рыб и сцен терзания [2, с. 171–179]. Наиболее популярным изображением для этого периода становится образ оленя.

Все предметы с изображением оленя происходят из женских захоронений. Отличительной особенностью кара-абызской культуры является зеркальное заимствование южных традиций. Зооморфные пряжки,

On the basis of funeral materials belong to the Qara-Abyz culture the author considers the process of changing and stylization of the deer image in metal plastics in forest-steppe Ante-Urals during the IV–IIIrd centuries BC. The mechanism of penetrating the deer image from the Savromat-Sarmatian space into forest-steppe communities is demonstrated. The general tendencies in the perception of images of the Skythian-Siberian animal style by the forest-steppe population of Ante-Urals and the Ob River region have been observed and considered.

Key words: forest-steppe Ante-Urals, Skythian-Siberian animal style, Scythian deer, Qara-Abyz culture, metal details of a belt.

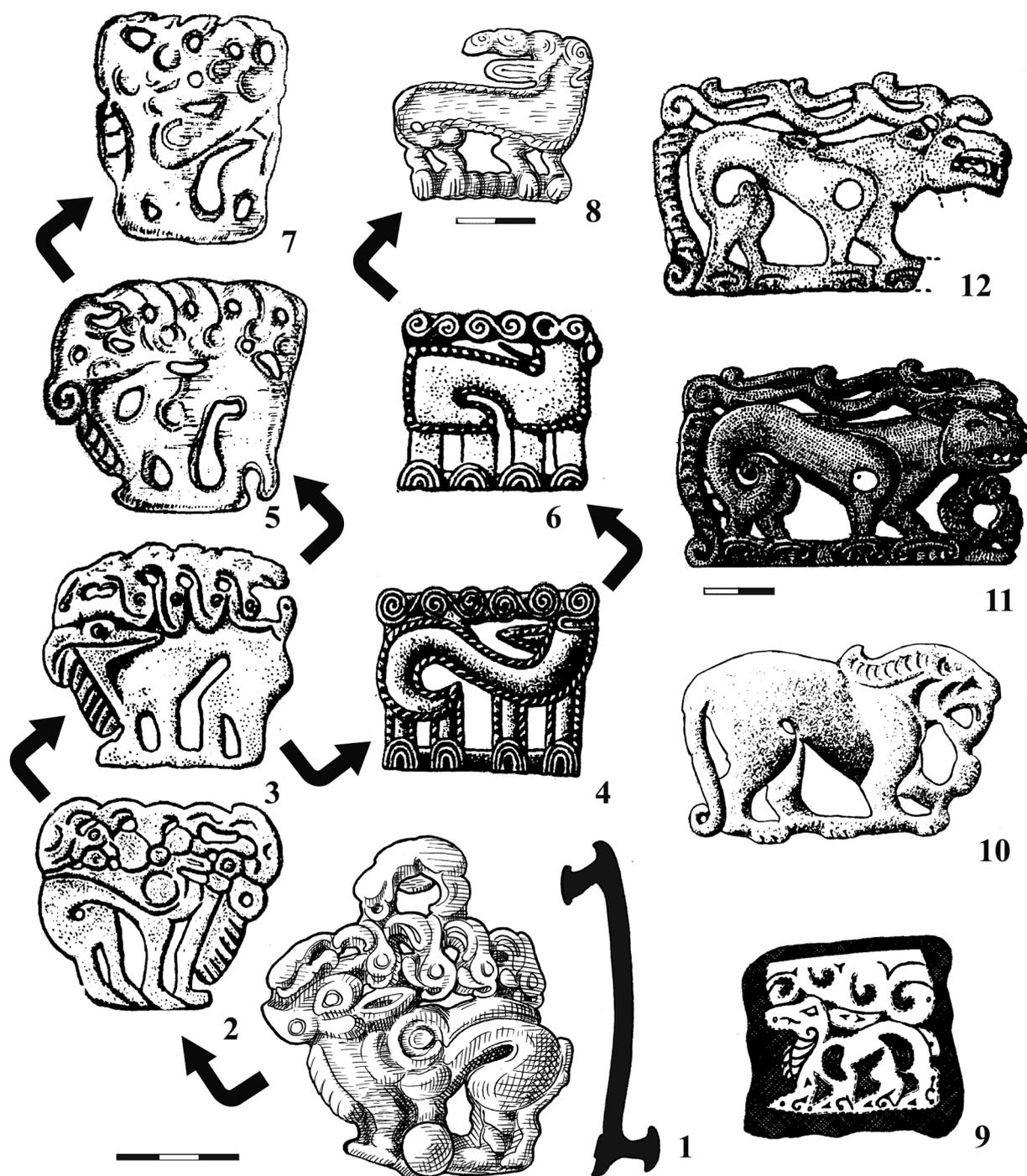
бляхи и накладки, известные у номадов как атрибуты воинского статуса или принадлежности конской узды, у лесостепного населения Предуралья в большинстве случаев встречаются в составе украшений женского костюма, отличающегося обилием металлических деталей [3, рис. 13–14].

Поскольку подавляющее большинство зооморфных предметов в Предуралье происходит из закрытых комплексов (погребений), мы имеем возможность определить хронологические рамки, в которых происходили изменения в изображении скифского оленя.

С IV в. до н.э. на кара-абызских женских поясах встречаются парные бляхи с изображением оленей. Все бляхи, несмотря на различное качество исполнения, придерживаются одной и той же иконографической позы: стоящий олень на четырех ногах, соединяющихся внизу в сплошную линию; поднятая, смотрящая вперед голова с закинутыми на спину ветвистыми рогами, опушка на груди. На некоторых бляхах просматривается изображение головы орлиного грифона в абрисе тела и на рогах.

Такая поза оленя не характерна для классического изображения этого животного в скифском искусстве. До недавнего времени единственные аналогии данному типу изображений указывались Н.Л. Членовой в Минусе [4, табл. IV, 21–23].

После исследования Филипповского курганного могильника в Оренбургской области были получе-

Оленные бляхи из лесостепного Предуралья и аналогии к ним: 1 – Курмантау; 2–3 – Биктимирово III; 4 – Уфимский могильник; 5, 7 – Охлебино; 6 – Биктимирово I; 8 – Курмантау; 9 – Филипповка, к. 1; 10 – Шипово, I группа курганов; 11 – Новый Шарап; 12 – Новоалтайский могильник

ны многочисленные образцы скифо-сарматского звериного стиля, среди которых значительную долю представляли изображения оленей [5, рис. 4-9]. Среди последних встречены и иконографически близкие кара-абызским [6, с. 38–45]. Однако филипповские и кара-абызские олени практически синхронны (V–

IV вв. до н.э.), к тому же на оленях Филипповки нет изображений грифона (рис., 9). Из этого можно заключить, что эти изображения относятся к параллельным линиям, развившимся из одного источника.

Эту мысль подтверждают также изображения рогатых хищников (медведей?) из памятников Приобья

[7, рис. 1; 3, 6]. Поза животного и стилистические особенности изображения сближает их с кара-абызскими оленями. Создается впечатление, что они восходят к какому-то общему образцу (рис., 11–12).

В 2009 г. на территории Башкирского Приуралья в ареале кара-абызской культуры была найдена коллекция предметов, среди которых есть бронзовая фигурка оленя (рис., 1). Поскольку условия и обстоятельства находки остались неизвестны, дату предмета остается определить лишь с помощью аналогий. Судя по шпенькам, имеющимся на фигурке, этот предмет является деталью конской узды. Зооморфная уздечная гарнитура с подобным креплением известна в комплексах Южного Приуралья конец VI–V вв. до н.э. (Бесоба, к. 5, 9; Сынтас, к. 1; Пятимары I, к. 8; Новый Кумак, к. 7) [8, abb. 91, 3; 104, 4б; 106, 5].

Более ранняя дата по сравнению с кара-абызскими оленями определяется также по качеству изображения. Все детали фигурки хорошо проработаны. В тело оленя вписана голова орлиного грифона, при этом глаз грифона приходится на плечевой сустав, а клюв формирует линию спины и крупа. При этом задняя часть туловища оленя, повторяя форму клюва грифоновой головы, получает характерный впалый живот. Благодаря этой находке становится понятной стилистическая особенность изображения у животных на кара-абызских и приобских бляшках впалого живота и окружности на плече как рудимента, оставшегося от клюва грифона (рис., 2, 11–12).

Рога также изображены в виде головок грифонов. Голова оленя и передняя часть тела с опушкой переданы достаточно реалистично, что делает, несмотря на ряд фантастических деталей, животное вполне узнаваемым. Это – благородный олень, подвид – алтайский марал (*Cervus elaphus sibiricus*), обитающий до сих пор на Алтае и в Саянах [9].

По степени проработки деталей все кара-абызские бляшки с оленями можно выстроить в эволюционный ряд: от наиболее четких изображений, на которых прослеживаются такие детали, как головки грифонов на отростках рогов, до совершенно размытых фигур, сохраняющих лишь общий абрис изделия [10, рис. 6]. Такая деградация образа связана со способом изготовления оленных блях. В качестве матриц использовались созданные ранее бляхи. Качество ис-

полнения зависело от квалификации мастера и степени понимания им образа. В первую очередь с оленных блях исчезают изображения грифонов, на отдельных бляхах они прослеживаются как уже непонятные элементы орнамента (рис., 2–3, 5, 7). Параллельно с «матричным» способом изготовления практиковалось создание совершенно стилизованных фигурок, в которых узнать оленей довольно сложно без обращения к оригиналу (рис., 4, 6).

Описанная эволюция образа оленя в кара-абызской культуре происходит на протяжении IV в. до н.э. К концу III в. до н.э. изображения оленей полностью деградируют, а в ряде случаев полностью теряют узнаваемость (рис., 8). Аналогичный процесс отмечает на материалах Приобья Я.В. Фролов. Здесь, кроме утери отдельных деталей, фиксируется замена образа животного. В частности, на фигурке из могильника Почта-3, изначально изображавшей хищника из породы кошачьих, голова проработана в сторону усиления медвежьих черт [7, с. 213].

Вообще, несмотря на многочисленность изображений в скифо-сарматском зверином стиле кошачьих [6, табл. 28], этот образ не прижился в лесостепных культурах. В кара-абызских древностях известны только два предмета с их изображением. Причем один из них находит близкие параллели в искусстве верхнего Приобья (рис., 10). Этот факт еще раз обращает наше внимание на возможность существования общего источника заимствования зооморфных образов предуральским и приобским лесостепным населением. Дальнейшего развития изображение кошачьих на кара-абызской почве не получило. В Приобье этот образ был переработан уже в среде лесного населения в медведей и лосей. Вероятно, прав Я.В. Фролов, объясняя этот факт отсутствием объекта изображения в интересующей нас лесостепной зоне [7, с. 216].

Таким образом, прослеживается общая тенденция, характерная для лесостепных культур: многократное копирование предметов скифо-сибирского звериного стиля «матричным» способом, что в конце концов приводит к искажению либо замене образа изображаемого животного. Это также говорит и об общем уровне бронзолитейного производства рассматриваемых лесостепных сообществ и одинаковом восприятии ими импортных зооморфных образов.

Библиографический список

1. Овсянников В.В. Динамика взаимодействия кочевого и оседлого населения Приуралья во 2-й половине I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. // *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. – Челябинск, 2003.
2. Овсянников В.В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время*. – Уфа, 2006.
3. Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // *Археология и этнография Башкирии*. – Т. V. – Уфа, 1973.
4. Членова Н.Л. Скифский олень // *Памятники скифо-сарматской культуры. Материалы и исследования по археологии СССР*. – № 115. – М., 1962.

5. Пшеничнюк А.Х. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. – Уфа, 2006.

6. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб., 2006.

7. Фролов Я.В. К вопросу о проявлениях изобразительных традиций скифо-сибирского звериного стиля в художественном бронзовом литье населения Приобья в эпоху

железа // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Кн. I.

8. Ocir-Gorjaeva M.A. Pferdegeschirr aus Choseutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. – Mainz, 2005.

9. Млекопитающие Советского Союза / под ред. В. Г. Гептнера и Н. П. Наумова. – М., 1961. – Т. 1.

10. Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы междунар. науч. конф. – Оренбург, 2008.